

ской), в 1901 г. Можно предположить, что переезд на жительство в Курск состоялся под влиянием музыкального просветителя Курского края композитора А. М. Абазы. Сохранилась фотография, на которой они сфотографированы втроем. Сделана она в фотоателье Вакуленко в Туле. Сергей Александрович имел хороший баритон, был музыкален и почти профессионально пел. Оба брата в своей купеческой ипостаси занимались торговлей музыкальными инструментами, нотами, продавали литературу о музыке. Эту стезю они продолжили и на курской земле, открыв музыкальный магазин с мастерской. В последней изготавливались и ремонтировались струнные музыкальные инструменты: скрипки, балалайки, мандолины, гитары. Магазин и мастерская размещались на Московской улице в доме Д. Гладковой и стали популярными среди музыкантов и любителей музыки.

Николай Александрович Красильников, старший из братьев, жил на Первышевской улице в доме № 8, а младший — Сергей — на Чикинской улице. Квартира Николая стала своеобразным клубом для приезжих гастролеров. В гостях у него на квартире побывал даже Федор Иванович Шаляпин.

Среди гастролеров были многие выдающиеся музыканты и певцы России и Европы. У дочери С. А. Красильникова, Ольги Сергеевны Успенской, долгое время хранился альбом фотографий с автографами концертантов. Их насчитывалось около 80. «Конечно, не все приезжавшие в Курск артисты оставляли свои следы в семье замечательных русских предпринимателей Красильниковых. Не было, например, автографа графа Л. В. Собинова, хотя он неоднократно бывал в Курске. На фотографии замечательной исполнительницы русских народных песен Е. И. Башариной была подпись: «Помните “Чайку”!» Эта песня нравилась публике и она ей всегда бисировала. Но, к сожалению, артисты, дававшие автографы зачастую не ставили дату. Если на фотографии пианиста Петра Любошица можно прочесть: «На память о концерте 7 марта 1911 г.», то на фотографии Лины Ковальери только ее роспись, без даты»¹.

В архиве одного из авторов статьи есть коллекция нот, которые продавались в магазине братьев Красильниковых. Все они имели овальные печати с надписями: «Бр. Красильниковых. В Курске», «Бр. Красильниковы. Курск», «Музыкальный магазин бр. Красильниковых в Курске», «Специально. Музыкальный магазин бр. Красильниковых в г. Курске»². Один их штампов поставлен на нотах романса Милия Балакирева «Введи меня, о ночь, тайком». Некоторые штампы имели и дату продажи.

Первые годы ноты в магазин поставлялись, в основном, из скоропечатни П. Юргенсона (Москва), затем от А. Гуйхетля (Москва), Л. Идзиковского (Киев) и от других. С 1912 г. братья стали сами печатать ноты. Они выпустили сборник романсов своего друга Аркадия Максимовича Абазы, а также других композиторов. Была выпущена «Карманная музыкальная памятка», составленная композитором П. А. Щуровским, в которой были даны краткие сведения более чем о 1000 деятелях музыкального мира. Издали братья и ноты романсов П. А. Щуровского.

Особую роль братья сыграли в 1910-х гг., посвятив себя организации концертов гастролеров. Магазин братьев продавал билеты на все концерты, проводившиеся в Курске.

Деятельность братьев Красильниковых была продуктивной и полезной для развития музыки и музыкального образования. Они помогали директору Курских музыкальных классов А. М. Абазе не только материально, но и в ремонте музыкальных инструментов.

К сожалению, в 1919 г. умер от тифа старший из братьев, а в начале 1920 г. младший. Продолжить их дело не смог никто.

Примечания

¹ Архив Ю. А. Бугрова. Папка нот № 1.

² Бугров Ю. А. Свет курских рамп. Курск, 2002. Кн. 2. С. 92.

Ю. В. Озеров

КУРСКИЙ КУПЕЦ Г. И. ЛАВРОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

До революции купечество было одним из сословий, которое заметно влияло на общественную жизнь нашей страны. Однако характер воздействия и деятельность этого социального слоя в глазах современников и тем более исследователей прошлого получили весьма противоречивые оценки. Это

и понятно, ибо само купеческое сословие не было внутренне однородной общественной группой, хотя и имело свойственные любой корпорации общие характеристики.

Именно это побуждает в целях объективности при анализе деятельности купечества во избежание стереотипизации ряда черт и явлений, рассматривать его через призму личностного подхода с учетом индивидуального опыта и практики конкретной персоналии.

Попытаемся реконструировать социальный портрет предпринимателя на примере курского купца Григория Ивановича Лаврова. Для нас он особенно интересен тем, что, будучи городским головой Курска, оставил после себя «память» спустя почти 40 лет. Его имя в негативном свете упоминается в изданной в 1939 г. брошюре некоего В. Москвитина «Курск в прошлом и настоящем». Вот что пишет данный автор о предпринимателе: «Кутежи и самодурство купцов не знали удержу. Старожилы передают, что Лавров, будучи городским головой Курска, в пьяном виде заставлял возить себя в катафалке и отпевать, как умершего. Выжимая из своих работников последнюю каплю, загребая миллионные барыши, он швырял тысячи рублей на “благотворительные” цели, лишь бы увековечить свое имя как “благодетеля” и “отца”»¹.

Данный фрагмент, с претензией на хрестоматийность, ярко показывает, в каком свете представлялись тогда предприниматели. И поскольку этот текст не лишен правдоподобности, то он требует соответствующего анализа и оценки.

Для начала рассмотрим выявленные в Государственном архиве Курской области данные, касающиеся жизнедеятельности Г. И. Лаврова.

Родился он в 1837 г. В наследственном капитале состоял с 1866 г.² По данным на 1875 г., был владельцем завода по производству мездрового клея при собственном кожевенном предприятии³. В конце XIX в. состоял в 1-й гильдии, был владельцем кожевенного завода в Курске на ул. 2-й Кожевенной, вальцевой механической крупчатой мельницы при с. Уколово Щигровского у., водяной мукомольной мельницы при д. Дубовец Долговской волости Курского у.⁴ В Курской губ. Лавров был одним из крупных оптовых торговцев хлебом и кожами⁵. Торговля кожевенными товарами им велась не только в Курске, но и на ярмарках Харькова и Полтавы⁶.

Кроме этих занятий, имя Лаврова в 1899–1900 гг. фигурировало в связи с делом о привлечении его к ответственности за раздачу ссуд без промыслового свидетельства. Курское губернское податное присутствие выяснило, что с 1883 г. им было выдано под закладные 73 ссуды (всего на сумму до 150000 руб.). При этом в 1899 г. оставались неоплаченными от прежнего времени 32 ссуды на сумму в 74780 руб.⁷ Все это подлежало обложению в соответствии с положением о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. Отмечалось, что таким способом Лавров стал крупным курским домовладельцем. Перед смертью ему принадлежало пять усадеб по следующим адресам: 2-я Кожевенная, 34; Троицкий пер., 6; Авраамовская, 1; Пастуховская, 23; Гапонцевская, 11. В последнем располагалось 9-е городское приходское смешанное училище.

Впервые в городскую службу Лавров вступил в 1870 г., став гласным Курской думы. Неоднократно был членом Учетного комитета Курского отделения Госбанка. А с 1891 по 1901 г. находился в должности городского головы⁸. Одновременно он являлся одним из директоров Губернского комитета попечительного общества о тюрьмах, попечителем над Исправительным арестантским отделением и председателем Сиротского суда. Кроме того, в 1892 г. стал попечителем 5-го мужского приходского училища, членом попечительного совета гимназии О. Н. Красовской. Входил Лавров в состав Комитета дешевой столовой и был пожизненным членом Братства во имя преподобного Феодосия Печерского. За труды по проведению Первой всероссийской переписи он удостоился нагрудной темно-бронзовой медали.

Успешный бизнес, неплохая карьера городского администратора позволили ему широко раскрыть свой потенциал на ниве благотворительности.

Так, в 1890-х гг., когда возникло дело об основании оспопрививательного кабинета, один гласный по простоте душевной обратился к городскому голове со словами: «Да вы пожертвуйте, Григорий Иванович, эти сто рублей», — чем действительно вызвал последовавшее пожертвование. Лавров из своих личных средств предоставил эту сумму, сказав: «Ну, уж я вам дам». После этого пристыженная дума ассигновала со своей стороны еще 100 руб. на этот кабинет⁹.

О Лаврове мы находим информацию в местной прессе в связи с его юбилеем, отмечавшимся 2 января 1897 г. Сообщалось, что из произнесенных речей более всех выделялась речь губернатора А. Д. Милютина, который воздал должное «симпатичным» качествам Лаврова как общественного деятеля и человека¹⁰.

В том же году Григорий Иванович пожертвовал капитал в 2000 руб. для выдачи сумм с него в 5,5 % на содержание призреваемых городской богадельни за Херсонскими воротами. В ней, являв-

шейся плодом усилий также главы города, накапливаемые средства выдавались на платье и обувь к праздникам Пасхи и Рождества Христова¹¹. С двух капиталов Лаврова по 4000 руб. каждый средства в виде процентов ежемесячно получали неимущие, а также бедные девицы при выходе замуж. В 1898 г. на свой счет Лавров устроил при Александровском доме призрения «убежище для бедных»¹².

Ощутимую поддержку от Григория Ивановича получала и Церковь. С 1879 г. до самой смерти он являлся старостой Преображенского храма, всемерно заботясь о его благолепии как изнутри, так и снаружи. В 1881 г. он удостоился благословения Синода за пожертвования на храм. Награжден был также золотой медалью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте (1891)¹³.

Стремясь до конца себя реализовать и упрочить свои социальные позиции, Лавров в 1895 г. подавал ходатайство в Сенат на получение звания потомственного почетного гражданина. Однако его мотивировка по случаю 10-летнего пребывания в 1-й гильдии во внимание принята не была и прошение осталось без удовлетворения. Вследствие этого он обращался затем в Казенную палату о возврате своих денег, потраченных на канцелярские расходы. Когда в следующем году (14 мая) ему был пожалован орден св. Станислава 3 ст., Григорий Иванович снова возбудил ходатайство о пожаловании звания потомственного почетного гражданина, ставшее на этот раз успешным¹⁴.

30 сентября 1901 г. Лаврова не стало. В знак признательности его заслуг перед городом и обществом прощание с покойным отличалось особым характером. Усопшего отпевал епископ Курский и Белгородский Лаврентий в сослужении архимандрита Глинской пустыни Маврикия и духовенства при полном хоре архиерейских певчих. Гроб с останками покойного под звон колоколов городских церквей был вынесен из Преображенской церкви и на руках присутствующих донесен до Смоленско-Георгиевского храма, где после краткой литии, поставлен был на катафалк. Печальное шествие двинулось по Херсонской улице, останавливаясь на каждом перекрестке для кратких молитвословий. Погребальную процессию до кладбища сопровождал архимандрит Маврикий с городским духовенством. Шествие заняло почти два квартала, так что движение трамвая на это время было прекращено. За крестом на пяти бархатных подушках несли медали и ордена покойного, затем венки, которых на гроб было возложено более двадцати. Надгробное слово над прахом усопшего произнес гласный городской думы М. А. Сушков. В своей речи он представил покойного как доброго человека, который делал благодеяний весьма много, но «тихо, не гоняясь за дешевой славой, и масса облагодетельствованных им долго будет помнить его щедрость и не раз с молитвой на устах пожелает ему Царство Небесное»¹⁵.

Овдовевшая супруга Александра Алексеевна в память о покойном муже в 1906 г. открыла при храме на свои средства церковно-приходскую школу, рассчитанную на 80 учащихся¹⁶. Она получила имя Г. И. Лаврова.

Высветив, опираясь на архивные данные, особенности жизненного пути предпринимателя, рассмотрим теперь личностные качества Лаврова с помощью компьютерной программы графологического анализа, представленной в издании эксперта в данной области Е. В. Судиловской¹⁷. В качестве объекта данного исследования выступит имеющийся в нашем распоряжении автограф городского головы. Анализ почерка Лаврова дал следующие результаты. Сильными сторонами купца были: старательность, склонность к логичности, жизнерадостность, ровный характер, мягкость, рациональность, скромность, бережливость, взвешенность, энергичность, простота. Слабые стороны программа отметила следующие: податливость, нелогичность поступков, скупость, пессимизм, одиночество, замкнутость, экспрессивность.

Прилагая эти качества к образу купца, представленному в архивных материалах, можно видеть в значительной степени подтверждение ряда черт и свойств личности. Действительно, успешный предприниматель не может обойтись без рационализма, старательности, энергии и бережливости. Данные программы рисуют перед нами образ купца-хозяйственника, имеющего традиционные ценности, рачительно использующего свои средства, ценящего стабильность. Отмеченная податливость отражает его готовность жертвовать свои средства на необходимые благие цели. При этом сама благотворительность вполне может укладываться в «нелогичность поступков», так как, будучи актом милости сердца, не укладывается в рассудочную, прагматичную парадигму мышления предпринима-

теля. Сами по себе акты жертвенности достаточно ярко показывают купца с экспрессивной стороны, побуждая тем самым обратить на него внимание. За этим чувствуется желание его стать первым, единственным в своем роде благотворителем.

Рассмотрим теперь вероятность эпизода, который отмечен в работе В. Москвитина. Надо сказать, что о нем совершенно не известно как о историке или краеведе. На фоне проведенного нами анализа, не логичным выглядит его поведение как «кутежника». Приверженность к скромному поведению и отзывчивость на религиозные цели вряд ли позволили бы Лаврову быть возимым на катафалке и отпевать себя как умершего. Это фактически было бы глумлением над православной обрядностью. Сомнительным выглядит тезис о способе обогащения как «выжимании из работников последней капли». Как мы видели, купец стал состоятельным во многом благодаря выдаче ссуд. Вместе с тем, в отмеченном выше отрывке содержится подтверждение его благотворительной деятельности, однако вместо поиска социального престижа, как одного из ее мотивов, выпячивается тщеславие.

Воссоздание подлинного индивидуального социально-исторического портрета предпринимателя, на наш взгляд, способно дать объективную и взвешенную оценку самого купеческого сословия, поставив под сомнение расхожие мифы и шаблоны.

Примечания

¹ Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. Курск, 1939. С. 6–7.

² ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3700. Л. 140.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 15 об.–16, 43 об.–44.

⁴ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8914. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 8197. Л. 31.

⁶ [Объявления] // Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894.

⁷ ГАКурО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 311. Л. 22.

⁸ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1.

⁹ Там же. 1898. № 207. 26 сент. ч. неоф. С. 2.

¹⁰ Местная хроника // Там же. 1897. № 4. 5 янв. Ч. неоф. С. 3.

¹¹ Местная хроника // Там же. 1897. № 20. 25 янв. Ч. неоф. С. 2.

¹² ГАКурО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 272.

¹³ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1.

¹⁴ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7967. Л. 2–3.

¹⁵ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1–2.

¹⁶ Там же. 1906. № 250. 21 нояб. С. 1.

¹⁷ Судиловская Е. В. Разгадываем почерк: Графология. СПб., 2007. (С компьютерной программой).